

управленческих кадров, акцентируя внимание при этом в учебном процессе на правовую и государственно-управленческую подготовку, а также ценностно-смысловой аспект политической деятельности. Важно, чтобы система повышения квалификации руководителей и специалистов носила перспективный характер.

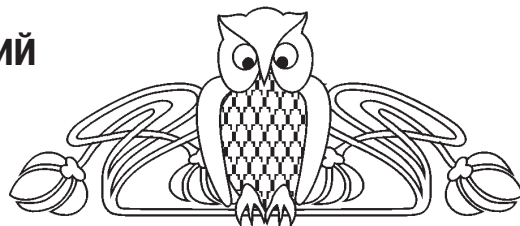
Примечания

- ¹ Платон. Политик // Платон. Сочинения : в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 2. М. : Мысль, 1972. С. 57.
- ² См.: Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. / под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. С. 585–586.
- ³ Там же. С. 481.
- ⁴ Там же. С. 497.
- ⁵ Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. С. 296.
- ⁶ См.: Аристотель. Политика. С. 467.
- ⁷ Там же. С. 452.
- ⁸ См.: Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов н/Д : Феникс, 1998. С. 102.

- ⁹ Там же. С. 109.
- ¹⁰ Макиавелли Никколо Ди Бернардо // 106 философов : Жизнь. Судьба. Учение : в 2 т. / сост. П. С. Таранов. Симферополь : Таврия, 1995. Т. 2. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 109.
- ¹² Макиавелли Н. Государь. С. 129–130.
- ¹³ См.: Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : ИПЛ, 1955–1981. Т. 4. С. 268–285.
- ¹⁴ Маркс К. Кошут, Мадзини и Луи Наполеон // Там же. Т. 8. С. 410–411.
- ¹⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 690.
- ¹⁶ Там же. С. 694–695.
- ¹⁷ Там же. С. 697–705.
- ¹⁸ Ильин И. А. О политическом успехе // Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. С. 357.
- ¹⁹ Ильин И. А. О государстве // Там же. С. 260.
- ²⁰ Ильин И. А. О политическом успехе. С. 362.
- ²¹ См.: Егоров И. Боевики не пройдут // Рос. газ. 2015. 6 авг. С. 3.
- ²² См.: Кузьмин В. Будем наводить мосты // Рос. газ. 2015. 28 апр. С. 6.
- ²³ См.: Егоров И. Указ. соч.

УДК 328.36

ПОНЯТИЯ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» И «ИСЛАМСКИЙ РЕНЕССАНС» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛОВ И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь современных процессов глобализации и политизации ислама. Автор выявляет причину, по которой в отечественном политологическом дискурсе отсутствует внятное объяснение причинно-следственной связи между глобализацией и политизацией исламских сообществ, а также их возрастающей субъектности в региональной и мировой политике. В статье доказывается, что в последние десятилетия у политических сообществ исламского мира появились политические и экономические ресурсы для продвижения в мировую и региональную политику собственных проектов будущего глобального мироустройства. За определением «ренессанс ислама» скрывается способность исламских сообществ к самостоятельному продуцированию и продвижению в политику собственных проектов глобализации. В противовес упрощенному либеральному взгляду на мир, исламский проект глобализации демонстрирует гораздо большее богатство смыслов, вкладываемых в трактовки ключевых социально-политических ценностей.

Ключевые слова: ислам и глобализация, феномен мусульманского ренессанса, самоопределение исламского мира, политизация и адаптация исламских сообществ.

The Concepts of «Globalization» and «Islamic Renaissance» in Academic Discourse: Correlation of the Meanings and Cause-consequence Interdependence

D. G. Mirzakhanov

In article studies a correlation of modern processes of globalization and islamic politization. The Author is clarifying why in Russian academic discourse lack of clear explanation cause-consequence interdependence between both globalization and politization of islamic communities as well as their rising influence in the regional and world policy. The paper argue that in recent decades political islam demonstrate of political and and economic resources for support their own genuine projects in term of the future global order. In opposite to simplifying liberal's position to the modern world, islamic project of globalization propose and demonstrate much more interesting and promising interpretation of the key political values.

Key words: Islam and globalization, phenomenon of Muslim renaissance, self-determination of islam world, politization and adaptation of islamic commutities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-77-84

В ряду сюжетов, которыми занимается современная политическая наука, два привлекают особое внимание исследователей. Это глобализационные процессы в современном мире и ускорившийся в последние десятилетия процесс политизации и радикализации ислама. В публикациях, посвященных глобализации, в ряду наиболее опасных ее последствий и «вызовов» нередко фигурирует активизация исламского фундаментализма и радикализма в странах «третьего мира», а также в Европе и США. В исследованиях, посвященных нынешнему всемирному «ренессансу ислама», именно глобализация нередко фигурирует в ряду первых причин проявления этого феномена. По утверждению одного современного исследователя, «только сейчас ислам фактически стал поистине глобальной религией, а понятие исламского мира в определенной степени оторвалось от географического измерения»¹.

Однако такая причинно-следственная связь выглядит естественной и органичной до тех пор, пока исследователи просто называют одно – причиной, другое – следствием. Пока дело не доходит до самостоятельного анализа структуры и свойств этих процессов. Здесь обнаруживается, что те суждения и оценки, которые одни исследователи высказывают по поводу глобализации, не всегда согласуются с теми суждениями, которые другие высказывают по поводу нынешних трансформаций, происходящих с исламом.

Речь в данном случае идет не о каких-либо подвижках в доктринальной сфере, а об изменениях той роли, которую ислам играет в мировой и региональной политике. Дагестанский политолог Н. М. Вагабов, проанализировавший в своей докторской диссертации основные направления и тенденции в современных исследованиях по исламской проблематике, в частности, отмечает: «...несмотря на существенное число исследований в этой области, некоторые важные вопросы относительно политических событий во многих мусульманских странах, вызванных исламским возрождением, все еще остаются без ответов. В частности, не много работ посвящено тому, каким образом ислам вдохновил на политическую борьбу десятки миллионов людей для торжества религиозных идей и принципов. Причем в восприятии большинства граждан Запада религиозное возрождение в мусульманском мире выступает как явление архаичное и иррациональное»².

Иначе говоря, автор считает в равной мере характерным, как для науки, так и для массового сознания, дистанцирование проблематики политической факторности ислама от проблематики глобальных перспектив цивилизованного человечества. С другой стороны, тот же автор констатирует: «Значительная часть исследований, касающихся проблем глобализации, по-прежнему игнорирует религию, что может свидетельствовать о том, что субстантивные или институцио-

нальные формы общественного сознания некоторыми учеными рассматриваются как менее значимые и несущественные»³. Другой современный исследователь к этому добавляет: «...на Западе ислам в основном воспринимается как абсолютный противовес любой рациональной программе развития, как надстройка к “азиатскому способу производства”»⁴. Точно так же, как нечто очень далекое от «магистрального пути» развития современной политики, он воспринимается и некоторыми отечественными политическими аналитиками. «Идентификация ислама, – утверждает, в частности, И. М. Семашко, – как альтернативного проекта глобализации – продукт не столько мусульманских идеологов в ответ на вестернизацию, сколько западных идеологов для внутреннего использования и трансляции вовне»⁵.

Отчасти, вероятно, такую позицию науки можно рассматривать как ее отклик на состояние массового сознания. Последнему, по наблюдению Д. Б. Малышевой, доктора политических наук, ведущего научного сотрудника Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН, свойственно то, что «в западном, да и в российском общественном мнении именно ислам прочно ассоциируется с экстремизмом и терроризмом»⁶.

Получается так, что формально наука признает факт связи между глобализацией и бурной политизацией ислама и ростом числа его последователей в современном мире (что, собственно, публицисты часто обозначают понятием «исламский ренессанс»). Но в то же время не стремится к выяснению и объяснению того, как в реальности такая связь складывается и функционирует. Она, скорее, множит сомнения у потенциального читателя политологических публикаций. Если фактор «исламского ренессанса» в политической жизни современных развитых и развивающихся государств действительно настолько значим, как на этом настаивают его исследователи, то можно ли называть глобализацию «глобализацией»? «Население земного шара, – отмечает украинский исследователь А. А. Кудин, – составляет в наши дни примерно 5,7 млрд человек, мусульман из них приблизительно одна пятая, то есть 1,7 млрд. В мире существует 44 государства, где большинство населения составляют мусульмане. Последние образуют пространство от атлантического побережья Африки до берегов Средиземного моря, включая Ближний Восток, до Ирана, Афганистана и границ Пакистана с Индией, далее к северу до Казахстана – самой северной мусульманской страны»⁷.

Если подходить к вопросу арифметически, то, заметим, 1,7 млрд – это никак не одна пятая населения Земли. Это значительно больше. Плюс верно отмеченная автором цитаты, приведенной выше, концентрация населения, исповедующего

ислам, а вместе с этим и иные, нежели на Западе, жизненные стратегии в отдельных обширных регионах земли и в государствах, являющихся влиятельными игроками в мировых политике и экономике. В свете этих цифр и возникает вопрос: можно ли приложить понятие «глобализация» к процессу, в котором по принципиальным соображениям морально-этического, политического, экономического и правового характера не готовы или не желают участвовать миллионы последователей ислама по всему миру? Либо они готовы участвовать, но на принципиально иных условиях, нежели те, которые им предлагают страны западной либеральной демократии.

Заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета Г. Н. Сеидова в своей публикации приводит высказывание на этот счет руководителя культурного представительства Посольства Ирана в Москве А. Э. Торкамана, который полагает, что «глобализация является новой формой колониализма, в новейшее время выступающей под лозунгом глобализации экономики, но с неизменной целью всестороннего господства над странами Востока»⁸. В той же публикации приведены и слова более известного в мировой политике государственного деятеля – в начале 2000-х гг. Президента Ирана С. М. Хатами – во время выступления на «Саммите тысячелетия» в ООН: «Глобализация не должна сводиться к созданию более обширных рынков сбыта и поглощению национальных культур одной господствующей культурой. Это станет возможным лишь тогда, когда общие подходы, интересы и законы, осуществляемые на основе равенства и справедливости, будут распространяться во всем мире во имя прогресса»⁹. А если к числу тех, кто сегодня не разделяет уверенности сторонников либеральной стратегии глобализации в том, что это единственный путь в будущее для цивилизованного человечества, добавить еще и Китай, то «глобализация» в качестве стратегии и реального процесса будет выглядеть как-то совсем не глобально.

Если принять во внимание все, сказанное выше, то станет понятной вероятная причина, по которой в дискурсе отечественной политической науки отсутствует внятное объяснение причинно-следственной связи между глобализацией и активной политизацией исламских сообществ, их возрастающей субъектностью в региональной и мировой политике, экономике, культуре и правовых отношениях. Вместо объяснения такой связи последняя констатируется как факт, априорно всеми исследователями и политиками признаваемый, а потому как бы и не требующий всестороннего самостоятельного анализа.

Такую связь, в принципе, отечественному исследователю действительно трудно логически объяснить, если он воспроизводит дискурс западной либеральной политической науки. Иначе

говоря, утверждает, что у современной цивилизации есть только один «магистральный путь», что в ее основе лежит только одно – либеральное – толкование «естественных» прав и свобод человека, «общечеловеческих» ценностей социального общежития, что будущий мир может состояться в политическом, экономическом и культурном смысле только как мир либерально организованных государств и обществ. Что, таким образом, «глобализация является объективной закономерностью развития современного мира... Движение капиталов, финансовых потоков, миграция людей и их социальная мобильность, массовая культура влекут за собой интенсивную интернационализацию общественной жизни поверх национальных границ и требуют растущей экономической, социальной и политической интеграции»¹⁰.

Структура этого идеологического по своей сути насилия над логикой научного исследования современным исследователям, в принципе, понятна. «Общее у большинства определений то, – пишут авторы статьи о современном глобализационном процессе и современном его научном понимании, – что глобализация рассматривается, во-первых, естественным и объективным, а во-вторых, позитивным процессом. Утверждается, что она “безальтернативна”, “необратима”, “определяется рыночными, а не государственными силами” и как бы подводит итог всей эволюции человечества, и эти утверждения очень многими в современной политической науке принимаются за некую аксиоматическую константу, не подлежащую ни обсуждению, ни анализу»¹¹. Другое дело, что противодействовать такому насилию отечественной политической науке достаточно сложно уже потому, что само ее становление в качестве отрасли научного знания происходило в предшествующие десятилетия в режиме приобщения исследовательского сообщества России именно к достижениям западной либеральной теории.

Даже с применением идеологического насилия глобализация и политический «ренессанс ислама» не сходятся и не могут сойтись между собой в либеральном политологическом дискурсе в качестве причины и следствия по одному простому обстоятельству. Чтобы они сошлись, необходимо признание либеральной политической наукой, вопреки логике ее методологических оснований, того факта, что развитие современного мира не может быть сведено к одной единственной стратегии, какой бы замечательной она ни выглядела.

Уже в прошлом веке нынешняя и не первая в мировой истории глобализация начиналась и до сих пор продолжается как конкурентная борьба в мировом масштабе многих проектов будущего. И не только, условно говоря, «христианского» и «исламского». Представляется, что либерально ангажированными политологами слишком по-

спешно из ряда конкурентов выведен советско-демократический проект. Советский Союз, как главный двигатель данного проекта, сошел с геополитической сцены. В политике многих современных государств, тем не менее, и не только на постсоветском пространстве, специфически советское понимание гражданами и элитами сути «общечеловеческих ценностей» продолжает оказывать значимое влияние на политический процесс. А это значит, что «советско-демократический ренессанс», в принципе, не менее вероятен при определенном стечении геополитических условий, чем «ренессанс исламский».

Распад колониальной и неоколониальной систем, охватывавший исторически значительную часть «исламского мира», на многие десятилетия вплоть до последнего времени сконцентрировал внимание и усилия политических и культурных элит стран «третьего мира» на решении иной задачи. Пока «западный мир» и «социалистическое содружество» разрабатывали и внедряли в практику свои либеральные и социалистические проекты, «третий мир» занимался выработкой уникальных национально-государственных идентичностей, спецификацией своей региональной и мировой политической и экономической субъектности. Это было важно и по причине стремления к государственному самоопределению шиитских и суннитских политических и религиозных сообществ. Собственно, нынешний всплеск активности исламского радикализма в мире правомерно, на наш взгляд, рассматривать как естественный элемент этого процесса. Потому, прежде всего, что поиск и конструирование (как это было и в западных странах в XIX столетии, когда образовавшиеся национальные буржуазные государства активно искали свои «национальные идеи») велись по всему существующему в наличии идеологическому спектру: от крайне правого до крайне левого его крыла.

Перед этой первоочередной задачей долгое время на второй план отступала задача соучастия в той «интернационализации общественной жизни поверх национальных границ», которая в сознании современных исследователей ассоциируется с «объективно реальной» стратегией глобализации. Тем более, что тогда и до сих пор отчасти в сознании исламских обществ такое толкование стратегии глобализации, в сущности, ни с чем хорошим, кроме западного колониализма и культурной вестернизации, не ассоциируется. В связи с этим вырисовывается еще одна линия причинно-следственной связи между процессами глобализации и «исламского ренессанса». О нынешнем, преимущественно либеральном тренде глобализации как причине пробуждения «мира ислама» к политическому творчеству можно говорить именно в том смысле, что она мотивировала разумность вложения исламскими сообществами современного мира

разнообразных ресурсов, накопленных в период становления суверенных национальных государств, в дело политического проектирования будущего мироустройства. Это, что выглядит разумным в геополитическом смысле, вложение средств и сил в гарантии того, что в будущей политике, культуре, экономике и праве не будет места каким-либо новым версиям колониальной политики, склонность к созданию которых в XX столетии проявили развитые страны либеральной демократии.

В последние десятилетия у политических сообществ исламского мира появились устойчивые политические и экономические ресурсы для участия в создании и продвижении в региональную и мировую политику собственных интересов развития и проектов будущего глобального мироустройства. И это, вероятно, самое важное в сущности того процесса, который усилиями современных публицистов получил наименование «исламского ренессанса». В качестве мировой религии и идейной основы базовых общественных практик значительной части населения Земли ислам никуда не исчезал, чтобы сегодня можно было бы буквально говорить о его возрождении как религии, как образа жизни и мировоззрения миллионов людей на Земле. Ислам был последние семьсот с лишним лет и остается мировой религией. Но сегодня в свете новых обстоятельств мирового политического процесса, связанных с глобализацией, стало более заметным то качество данной религиозной доктрины, которым ислам исконно обладал как мировая религия, – сформулированный «общечеловеческий» собственный проект будущего мироустройства. Причем (и в этом тоже состоит принципиальное отличие «исламского» проекта от проекта «западного», подразумевающего, что достигнутый развитыми странами уровень политических, экономических и правовых отношений, в принципе, достаточен и для будущего, и его принципиальное сходство с проектом советско-демократическим) будущего мироустройства обязательно иного, чем есть сегодня, более справедливого в основах своей организации, чем в настоящее время.

По сути, за определением «ренессанс ислама», если данным понятием обозначать меняющиеся параметры факторности данной мировой религии в мировом и региональном политическом процессе, скрывается именно эта, относительно недавно и довольно неожиданно для западного мира обратившая на себя всеобщее внимание способность исламских сообществ к самостоятельному продуцированию и продвижению в политику собственных проектов глобализации. Проектов, заметим, основанных (как и «западный» проект) на апелляции к «общечеловеческим» ценностям, но, что принципиально важно, с иным толкованием смысла этих ценностей. По справедливому наблюдению Г. Н. Се-

идовой, «главное и обоснованное требование мусульманского мира – перераспределение части мирового богатства, доходов ТНК и других корпоративных структур в пользу беднейшей части населения планеты. Жизнь настоятельно диктует необходимость ликвидации монополий “глобальных игроков” на ноу-хау и современное образование, высокие технологии, закрепление права отдельных наций и народов на самоопределение, свой язык, свою систему ценностей, культуру»¹².

Если таковую способность исламских обществ к самостоятельному проектированию своего и всего мира политического будущего рассматривать в качестве определяющего фактора и маркера «исламского ренессанса» в современном мире, то появляется логичное объяснение его связи с глобализацией как процессом. В методологии политического исследования тогда будет допустимым исходить из факта параллельной реализуемости сразу многих проектов построения будущего глобального миропорядка, среди которых условно лидируют «исламский проект» и «христианский проект».

Условно это лидерство потому, что оно не совсем объективный факт. Точнее было бы сказать, что оно есть факт, сконструированный в медийном пространстве по ходу осмысления либеральной западной политической наукой причин, по которым у якобы безальтернативного либерального проекта глобализации вдруг появляются какие-то весомые альтернативы. Согласно исследованиям последнего времени, в формировании основ мировоззрения и политической культуры современных обществ лидерство принадлежит вообще не мировым религиям. «Если сравнивать годовые темпы роста различных религий и мировоззренческих установок за последние сто лет, то на первом месте оказываются атеисты, во втором – агностики, на третьем – спириты, – утверждает Ю. Синелина, руководитель отдела социологии религии ИСПИ РАН. – Быстрее всего в 2000–2010 годах росло число даосов, бахаи и мусульман. Следует, правда, заметить, что темпы роста числа христиан пока не очень сильно отстают от мусульман – 1,35 и 1,8 соответственно. Характерные черты религиозных изменений в течение всего XX и начала XXI века – все большее разнообразие религий в условиях глобализации, плюрализация религиозной ситуации, приватизация и субъективизация религии, появление новых религиозных движений. Сама религия, формы ее проявления в обществе, деятельность религиозных институтов, принципы организации религиозных сообществ подверглись трансформации. У людей появляется возможность конструировать себе религию из тех символических систем, которые представлены на “религиозном рынке”, так называемая религия “a la carte”, или “лоскутная религия”, или “бриколаж”. Сегодня рынок религиозных симво-

лов принял глобальный характер, человек может выбирать компоненты практической из любой религии, религиозной практики»¹³.

К сказанному авторами строк, приведенных выше, следует добавить, что за всеми атеистическими и неатеистическими тенденциями в развитии современных обществ стоят более или менее оформленные и социально значимые проекты будущего мироустройства. Масштабы того «мира», которому данный проект предназначен, разными проектировщиками на индивидуальном и групповом уровне их политического бытия воспринимаются различно, и это сказывается на качестве самих проектов. Представляется, однако, совсем не случайным факт роста социальной популярности, с одной стороны, традиционных религий как основы конструирования проектов политического будущего, а с другой – популярности в качестве такой основы «лоскутных религий».

Традиционные мировые религии облегчают сегодня конструирование будущего тем, что предлагают конструкторам готовый и исторически многократно апробированный алгоритм решения проблемы будущих ожидаемых обществом изменений в политике, экономике и праве. Разного рода современные квазирелигии, напротив, соблазняют современного «человека политического», склонного к размышлениям о будущем мира, привлекая набором готовых для сборки «деталей» (своего рода «модулей», включающих типовые идеи и формы поведения), из которых любой современный человек по своему произволу может составить любую, даже самую невероятную с точки зрения показаний исторического опыта картину глобального будущего.

Это, на наш взгляд, действительно важная тенденция, олицетворяющая собой суть текущей глобализации, если смотреть на этот процесс шире, не ограничиваясь теми либеральными трактовками, которые сегодня доминируют в политической аналитике. В рамках этой тенденции проясняется еще одна линия причинно-следственной связи «исламского ренессанса» с процессом глобализации, если под таковым понимать нечто большее, чем только торжество либеральной идеологии и политической практики во всемирном масштабе. «Исламский ренессанс», если рассуждать диалектически, вероятнее всего, не состоялся бы как факт современной политики, если бы его противником, как это было на протяжении многих веком всемирной истории, были бы только мировые религии и те проекты будущего, которые они генерировали. Если бы все ограничивалось только тем, что, по верному замечанию автора, которого мы уже цитировали, «конец XX века для многих неожиданно ознаменовался возвращением религиозного фактора в политику и общественную жизнь. Наиболее заметным стало возросшее влияние ислама, но на междуна-

родной религиозной арене повсюду оказались на подъеме консервативные, традиционные и ортодоксальные движения. Это происходило в США (упадок основных направлений протестантизма и рост евангелических движений), в России (возрождение православия), в католических странах, в Израиле (возросшее влияние консервативного течения в иудаизме), в Индии (ситуация в индуизме и сикхизме)¹⁴.

Сам факт того, что начали ускоренными темпами трансформироваться все мировые религии, наводит на мысль, что главный вызов, породивший нынешний общий «ренессанс» и «исламский ренессанс» в том числе, существенно изменивший и ужесточивший глобальную и региональную конкуренцию между мировыми религиями за влияние на жизнь большинства современных обществ и государств, находится вовне сферы собственно межконфессиональных отношений. Этим вызовом, вероятно, является уже упомянутая тенденция к секуляризации и квазирелигиозной мотивации многих базовых ценностей и повседневных практик современных обществ, составляющая своего рода стержень всего процесса глобализации. Это, в сущности, тот мегапроект глобального будущего земной цивилизации, перед лицом которого и мировые религии сегодня развивают невиданную в прежние десятилетия политико-проективную активность.

В условиях, когда в обществе множится число людей, исповедующих постмодернистскую жизненную философию мыслительного и деятельностного произвола, проект будущего, освященный авторитетом какой-либо из мировых религий, оказывается гораздо привлекательнее для сознания нормального среднестатистического человека уже потому, что он историчен, легитимирован опытом многих поколений и этот опыт есть своего рода объективное подтверждение реализуемости данного проекта, своеобразная страховка от субъективного произвола. Такая возрастающая активность мировых религий создает уже иные, более жесткие условия конкуренции между ними в глобальном и страновом масштабах.

Возникает резонный вопрос: почему в этой глобальной конкуренции сегодня «исламский ренессанс» оказался вполне конкурентоспособным по отношению к «ренессансу христианскому»? Притом что за последним стоит значительный, исторически зафиксированный и теоретически осмысленный опыт использования религиозной доктрины для формирования в массовом сознании представлений о будущем мира. Это опыт крестовых походов, еретических движений, Реформации, религиозных войн, а также теологических университетских дискуссий. Иначе говоря, тому стороннику «христианского проекта глобализации», который бы решил вступить в дискуссию со сторонниками «исламского проек-

та», легко было бы апеллировать к истории как решающему аргументу в споре.

Проблема, как представляется, в том, что исторически «христианский проект глобализации», который еще в XIX в. развивался в русле формулирования и апробации консервативных, социалистических и либеральных его «редакций», к середине XX столетия, в ходе мировой «холодной войны» и антиколониальных движений в «третьем мире», сжался до одной только либеральной его редакции. Во многом такое сжатие явилось результатом выбора, сделанного «западными» католической и протестантскими Церквями в пользу именно либерального дискурса коммуникаций с обществом и государством. «Принципиальное положение католической социальной доктрины, – пишет отечественный исследователь, – признание прав и свобод личности, их естественно-правового основания»¹⁵. Что касается «западного» протестантизма, то «политические взгляды протестантов оказываются на первый взгляд довольно расплывчатыми и конъюнктурными, потому что большая часть евангельских пасторов и проповедников-миссионеров практически никогда не заявляет о своей политической принадлежности, открыто и прямолинейно не относит себя к числу сторонников демократии и не противопоставляет себя, таким образом, местной власти. В то же время в случае социально-политических конфликтов протестанты встают на сторону демократического способа разрешения разного рода проблем»¹⁶.

В таком сжатии при иных обстоятельствах могла бы быть заключена большая потенциальная энергия для конкурентной борьбы с оппонентами. Проблема в том, что у либерализма (как философской доктрины, взятой на вооружение современными христианскими обществами Запада), когда речь заходит о проектировании глобального будущего, обнаруживается существенный изъян. Либерализм достаточно индифферентен к проблеме поиска в вещах и идеях новых конструктивных смыслов. В его внутренней логике не предусмотрено будущего как принципиально иного по качеству состояния, к которому современным обществам и государствам имеет смысл стремиться. Вполне логично: если ныне достигнутое человеком состояние его прав и свобод есть состояние «естественное», то стремление к любому другому состоянию по необходимости следует признать «противоестественным» и ненужным. Работа над обновлением смыслов, когда речь заходит, например, о свободе, равенстве и толерантности, о национальных традициях и национальном суверенитете, в сущности, сводится к доведению этих прежних конструктивных смыслов до абсурда. Либерализм настраивает своих адептов на то, что будущее таит в себе некую угрозу благополучному существованию «обществ потребления». А потому, согласно пророчествам Ф. Фукуямы, «конец истории»,

как нежелание людей идти в развитии дальше указаний либеральной доктрины, есть наиболее естественное состояние современного цивилизованного человечества¹⁷.

В противовес такому упрощенному взгляду на мир, «исламский» проект глобализации сегодня демонстрирует значительно большее богатство смыслов, вкладываемых в трактовки ключевых социально-политических и социально-экономических ценностей и гораздо меньшую внутреннюю противоречивость, чем проект либерально-демократический и рыночный. Это особенно заметно на примере такой ключевой для современных сообществ в мире ценности, каковой является, например, «справедливость». Справедливости сегодня требует весь «третий мир»: и те в нем, кто пытаются найти лучшую долю на путях эмиграции в более развитые государства либеральной демократии с рыночной и богатой экономикой, и те, кто полагают, что нынешний порядок вещей изначально порочен, а потому ищет справедливости на путях террора.

В основе «западного» и «исламского» глобализационных проектов лежит дистрибутивное (распределительное) понимание «справедливости». Для «западного» проекта, однако, мера справедливости действий субъекта в политике, экономике и праве определяется его готовностью и способностью при распределении и перераспределении материальных и нематериальных благ не выходить за пределы, очерченные священным для либеральной идеологии принципом частной собственности¹⁸. Пределы, заметим, ставшие узкими для развития западных буржуазных обществ еще в XIX столетии, во времена европейских буржуазных и демократических революций. Для «исламского» проекта (а точнее было бы сказать – проектов, которые сегодня производятся на разных организационных уровнях и в разных регионах консолидации мусульманской уммы и создают сложные центр-периферийные отношения внутри мусульманского сообщества) характерно сегодня понимание «справедливости» как способности и готовности субъекта при распределении и перераспределении материальных и нематериальных благ руководствоваться соображениями ценности, достоинства личности, ее защищенности от угнетения и чьей-либо гегемонии¹⁹.

В настоящий момент нет смысла вести дискуссию о том, какой из ныне конкурирующих проектов будущего глобального мироустройства – «христианский» или «либеральный» – перспективнее для получения человечеством положительных результатов от современной глобализации. Мировая политика в ближайшей перспективе сохранит, вероятно, нынешнюю неустойчивую динамику, делающую предположения на этот счет очень приблизительными.

Более продуктивной в научном смысле выглядит постановка вопроса о способности того

или иного проекта адаптироваться к резко изменяющимся условиям взаимной конкуренции и к образам глобального будущего, которые сегодня определяют состояние массового сознания в разных регионах мира. Иначе говоря, о способности относительно долго поддерживать в среде своих адептов интерес к проектированию альтернативных стратегий и результатов глобализации. Пока что в сравнении с «христианским» и другими альтернативными проектами глобального мироустройства «исламский проект» демонстрирует более высокий уровень адаптируемости к меняющимся условиям политической жизни самых разных по уровню развития современных обществ и государств. Сказывается фактическая диверсификация проективной работы и разнообразие ее форм. Есть ареалы, в которых проективная деятельность делает акцент на таком ресурсе, как деятельность выдающихся исламских теоретиков и других теоретиков, которые несут их идеи в массы. Есть ареалы, в которых присутствует акцент на спонтанно происходящем в массовом сознании проектировании – таком, которое чаще всего заключается в упрощении религиозных догм до уровня требований обычной повседневной справедливости и находит себе опору в достаточно вольных трактовках Корана.

Взаимодействие этих двух уровней по вертикали и центров по горизонтали, собственно, создает видимый эффект достаточной самостоятельности «исламского возрождения» от тех процессов, с которыми сознание современных либеральных исследователей ассоциирует глобализацию. Это вполне закономерное впечатление, поскольку в настоящее время «исламское» проектирование будущего мироустройства действительно достигло высокого уровня внутренней ресурсной и организационной самостоятельности.

Примечания

- ¹ Мухаметов Р. Политическое самоопределение исламского мира в условиях глобализации. Влияние процессов глобализации на исламский мир. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?783> (дата обращения: 13.11.2015).
- ² Вагабов Н. М. Ислам и глобализация современного мира : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Махачкала, 2005. С. 5 // Человек и Наука – библиотека диссертаций по гуманитарным наукам. URL: <http://cheloveknauka.com/islam-i-globalizatsiya-sovremennogo-mira> (дата обращения: 13.11.2015).
- ³ Там же.
- ⁴ Мухаметов Р. Указ. соч.
- ⁵ Семашко И. М. Современный исламский фундаментализм : «La revanche de dieu» и/или альтернативный проект глобализации? // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2011. № 1 (13). С. 105.

- 6 *Малышева Д.* Ислам в современном мире. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/2/maly.html (дата обращения: 13.11.2015).
- 7 *Кудин А. А.* Ислам в современном мире // Международный научно-исследовательский журнал. Философские науки. Март 2013. URL: <http://research-journal.org/philosophy/islam-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 15.11.2015).
- 8 *Сеидова Г. Н.* Ислам и глобализация : за и против // Журнальный клуб Интелрос «Век глобализации» № 1. 2013. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18823-islam-i-globalizaciya-za-i-protiv.html> (дата обращения: 13.11.2015).
- 9 Там же.
- 10 *Вагабов Н. М.* Указ соч. С. 5.
- 11 *Павленко В., Штоль В.* Проект «глобализация : место и роль во всемирно-историческом процессе // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2013. № 4. С. 7. URL: http://observer.materik.ru/observer/N4_2013/006_026.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- 12 *Сеидова Г. Н.* Указ. соч.
- 13 *Синелина Ю.* Религия в современном мире. URL: <http://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 22.11.2015).
- 14 Там же.
- 15 *Каневский К.* Социальная доктрина Католической церкви // Рос. юстиция. 2003. № 4. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2003/12/d1475> (дата обращения: 24.11.2015).
- 16 *Лункин Р.* Протестанты и политические конфликты в Евразии : спасение души и управляемая демократия. URL: <http://www.keston.org.uk/russia/articles/gr24/03Lunkin.html> (дата обращения: 24.11.2015).
- 17 См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/koniec_istorii.txt (дата обращения: 24.11.2015).
- 18 См.: *Роулз Дж.* Теория справедливости. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642> (дата обращения: 20.11.2015) ; *Сорокина Ю. В., Малиновская Н. В.* Справедливость и право в современном философско-правовом дискурсе. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=2536> (дата обращения: 03.10.2014).
- 19 См.: *Сеидова Г. Н.* Указ. соч.

УДК 316.356.2–058.862

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СЕМЕЙНОГО УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ (опыт Москвы)

А. В. Стукалова

Российский государственный социальный университет, Москва
E-mail: abcd271@yandex.ru

Выбрав актуальную и малоизученную политической наукой тему исследования, автор статьи анализирует деятельность московских региональных властей в области политики государственной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в частности, реализацию модели профилактики социального сиротства.

Ключевые слова: дети-сироты, опыт Москвы, политика государственной поддержки.

The Policy of State Support of Social Orphanhood and System Development of Family Placement of Orphans and Children Left Without Parental Care (the Experience of Moscow)

A. V. Stukalova

Selecting relevant and studied political science research topic, the author of the article analyzes the activity of the Moscow regional authorities policy of state support of children-orphans and children left without parental care, in particular the implementation of the model for prevention of social orphanhood.

Key words: orphans, experience of Moscow, policy of state support.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-84-88

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (далее – дети-сироты), оказавшись в эпицентре кризисных процессов общества, нуждаются в особом внимании и поддержке государства и региональных властей, задача которых – формирование адекватных времени концептуальных подходов к интеграции этой категории россиян в общество.

За последние пять лет в Москве количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но нашедших себе вторую семью, увеличилось на 42% (2010 г. – 12 665 детей, 2015 г. – 18 031 ребенок). В настоящее время в семьях воспитываются 87% всех московских детей-сирот. Доля детей-сирот, проживающих в интернатных учреждениях, сократилась с 25% в 2010 г. (4640 чел.) до 13% в 2015 г. (2682 чел.).

Только за последний год количество детей, состоящих на учете в региональном банке данных о детях-сиротах, сократилось на 20% – с 3735 до 2998. В 2015 г. в семьях воспитывалось 85% детей-сирот, а в детдомах 15%. В 2013 г. эти показатели составляли 80,6%, в 2012 г. – 78%, в 2011 г. – 75,3%, в 2010 г. – 74,8%¹.

За это время серьезно изменилась ситуация с обустройством детей-сирот. Положительная динамика в их устройстве наблюдается в столице благодаря внедрению новой модели профилактики